

Глава 15: Маленькие подарки

Хэ Мяо поддержал Фань Цзэна под руку и, взглянув на морщины на его лице, спросил:

— Почтенный, сколько вам лет?

Фань Цзэн на мгновение опешил от такой резкой смены темы, но ответил:

— Мне только что исполнилось шестьдесят.

Пользователи, называвшие его дедушкой, замолчали.

[Эй, тебе всего шестьдесят, чего ты так трясешься?]

[Вот именно! У меня Фань Цзэн ассоциируется с несчастным стариком, который чуть не умер от гнева из-за этого великовозрастного ребёнка Сян Юя, а потом скончался от карбункула по пути домой.]

[На самом деле, это наше восприятие времени искажено. Сейчас всего лишь тридцать второй год правления Цинь Шихуана, собеседник действительно ещё молод.]

[Шестьдесят лет — это точно не дедушка. Моему отцу шестьдесят, и он каждый раз обижается, когда я покупаю ему «стариковскую» одежду.]

В тот момент, когда взгляд юноши упал на его руки, старец, человек, привыкший работать головой, мгновенно всё понял.

«Ах вот оно что. Он спрашивает о моём возрасте из-за этого»

Фань Цзэн принялся рассказывать, как в тот день он всего лишь зашёл попросить глоток воды, и как молодой человек, который только что радушно его принимал, в следующую секунду вдруг залился горькими слезами. Он рыдал так душераздирающе, что, казалось, вот-вот начнёт кататься по земле, и это оставило у старика неизгладимый след в душе.

— По правде говоря, даже мой маленький внук никогда так не буянил, — покачал головой старик, и его седеющая борода слегка качнулась в такт. — Я уж было подумал, что это я своим внезапным появлением напугал тебя. Когда вы ушли, я не посмел уйти и всё ждал и ждал. Если бы другой юноша не подошёл и не сказал мне, что с тобой всё в порядке, я бы до сих пор мучился чувством вины.

Выслушав всю историю, пользователи вынесли свой вердикт.

[Мяомяо, это ты неправ. Тебе следовало потом навестить старика. Посмотри, какую психологическую травму ты ему нанёс. Боюсь, он теперь и воды у чужих людей попросить побоится.]

[Если бы он не думал, что напугал тебя до слёз, Фань Цзэн, наверное, сразу бы ушёл, ха-ха-ха.]

[Мы должны заступиться за дедушку Фаня! Один смелый поступок обернулся пожизненной застенчивостью. Кстати, в древности ведь не было термосов, и в пути приходилось просить воды у людей. Как теперь дедушке путешествовать?]

Хэ Мяо скривился. Угол зрения, под которым они смотрели на проблемы, всегда был таким своеобразным.

— Почтенный Фань говорит правду, — вставил Ван Юань. — Он всё это время помогал в лавке, потому что беспокоился о тебе. Его Ве... кхм-кхм, все говорили, что это не его вина, но ты в тот день так сильно плакал, что почтенный Фань никак не мог успокоиться.

— Хватит, Юань'эр, не нужно больше говорить, — поднял руку Хэ Мяо.

Даньму взорвался смехом.

[Ха-ха-ха-ха-ха! Жаль, что у нас нет записи, как Мяомяо рыдает в лавке с шаобинами.]

[Водичка: Может, вы сначала поинтересуетесь площадью моей психологической травмы?]

[Похоже, Юань'эр часто помогает в лавке, они уже успели подружиться.]

[Смотрите на того парня, что стоит в стороне с глупым видом! Чжэн Ицзин! Кстати, когда я вчера увидел его имя, то был спокоен — всё-таки, имя обязывает. Но теперь, глядя на него, почему-то кажется, что он такой ненадёжный.]

Хэ Мяо почувствовал облегчение. То, что тему сменили его родные, его успокаивало.

«„Простая любовь“, завтра я выберу тебя для компании»

Тем временем в Отделе по чрезвычайным ситуациям с переселенцами группа экспертов смотрела на выбранного лично Цинь Шихуаном нового владельца лавки и чувствовала непреодолимое желание помассировать виски.

Он был одет в походную одежду, а за спиной у него висел тяжёлый рюкзак, весивший, казалось, не меньше десятка килограммов. Что он туда набил, оставалось загадкой.

— Похоже, не стоит отправлять в прошлое молодёжь, — вздохнул эксперт по лингвистике Ван Цинъюань. — Слишком шумные.

— Хоть поначалу он и пошумел, но сейчас ведёт себя довольно смирно, — с улыбкой возразила эксперт по географии Тун Тинсюэ, глядя на юношу на огромном экране, который сжимал лямки своей ноши. — По-моему, этот молодой человек очень даже неплох.

Она повернулась к представителю лесохозяйственной группы:

— Сяо Ян, ты согласен?

— А? Да, госпожа Тун права, — восторженно воскликнул Ян Хуа и поднял глаза на самый современный дисплей, установленный в отделе для лучшего наблюдения за эпохой Цинь. — Я тоже считаю, что Чжэн Ицзин — отличный кандидат. Нашим отделам географии и лесоводства он, возможно, очень пригодится.

— Да просто вам нравится его шумный характер, — хмыкнул Лю Шаньбэнь из группы по изучению древности. — Посмотрите на эту сумку за его спиной. Наверняка набита съёмочной аппаратурой.

Географы давно мечтали, чтобы Мяомяо отправился исследовать окрестности. Но из-за его должности радиус его передвижений был ограничен горой Лишань. Хотя он и предоставил им массу информации о местной флоре и фауне двухтысячелетней давности, их сердца стремились охватить весь Китай того времени.

Или хотя бы получить представление о городском ландшафте в окрестностях Сяньяна.

Великая Цинь, восточная часть Сяньяна, внутренний двор

Увидев Ван Юаня, Фань Цзэн всё ещё оглядывался по сторонам, и в его глазах промелькнуло разочарование.

— Девушка Тянь уже ушла? — покачал он головой.

— Точно, это сестра Тянь Тянь просила передать вам рецепты выпечки, — сказал Хэ Мяо, протягивая Фань Цзэну сшитую нитками книжечку, которую девушка написала вчера перед уходом. — Она сказала, что очень невежливо уходить, не попрощавшись, но время, проведённое с вами за продажей шаобинов, было очень приятным, и она многому научилась. Когда вернётся домой, она будет по вам скучать и просит вас беречь себя.

Фань Цзэн взял книжечку с рецептами, написанную на белоснежных листах бумаги. Его руки задрожали ещё сильнее, чем прежде.

— Я всего лишь поделился с ней некоторыми бесполезными рассуждениями, а она в ответ дала мне столько способов приготовления... Мне так стыдно, — сказал он, обращаясь к юноше.

Хэ Мяо, слегка наклонившись, увидел содержание записей и скривился. Нельзя сказать, что почерк сестры Тянь Тянь в стиле малой печати был плохим, но, скажем так, он был лишь немного лучше его собственного.

[Есть резонное подозрение, что руки Фань Цзэна дрожат не от восторга при виде рецептов, а от шока, вызванного этим почерком. Раньше я бы не назвал почерк Тянь Тянь уродливым, но после того, как в трансляции Мяомяо я увидел множество образцов малой печати, написанных жителями Цинь, мои эстетические стандарты определённо выросли.]

[Да, то же самое. Хотя я и не умею писать, но вижу, что эти иероглифы очень незрелые.]

[Что вы тут гадаете? Может, Фань Цзэн и правда так обрадовался рецептам. Паровые булочки, маньтоу, витые булочки, даже пропорции для хлебного теста! Для него это, должно быть, огромное богатство.]

[Ха-ха-ха, какое, к чёрту, богатство! Не могу представить, чтобы старый стратег с горящими глазами смотрел на рецепты булочек.]

Хэ Мяо посмотрел на Фань Цзэна. Камера трансляции взяла его крупным планом.

Психологическая группа высказалась:

[Взгляд Фань Цзэна явно избегает контакта с рецептами. Предыдущий комментатор, скорее всего, прав.]

[Можно ли прямо сказать, что малая печать у Тянь Тянь написана плохо?]

— Плохо, очень плохо! — наконец взорвался Фань Цзэн, когда Хэ Мяо спросил его о почерке сестры Тянь Тянь. — У меня на родине больше десятка учеников, самому младшему всего три года, и даже он пишет лучше, чем девушка Тянь!

Тянь Тянь, сидевшая перед экраном в Пекине, расхохоталась так, что свалилась на диван. Её пригласили в столицу, так как руководители Отдела по чрезвычайным ситуациям хотели встретиться с ней и узнать больше о династии Цинь.

Наконец, отсмеявшись, она сказала сотруднице, сидевшей рядом с ней:

— На самом деле, когда мы вместе продавали шаобины, старик учил меня писать. Но знаешь, малая печать — это один из самых эстетически требовательных стилей китайской каллиграфии. А у меня руки-крюки, я правда не могу. А он ещё хотел научить меня другим стилям письма, существовавшим до объединения письменности, — из царств Чжао, Чу, Ци... они ещё сложнее. Слава Великому Первому императору, что он объединил письменность, иначе у нас сейчас было бы столько же видов письма, сколько диалектов.

— Тянь-тянь, ты помнишь, скольким видам иероглифов тебя учил старик? Я запишу, — с улыбкой сказала сотрудница, уже взяв ручку.

— Пощади меня! — взмолилась Тянь Тянь. — Пусть лучше Чжэн Ицзин у него учится, — указала она на большой экран. — Дедушка Фань очень любит учить, а сейчас, когда Мяомяо там, можно будет транслировать уроки в современность.

Сотрудница посмотрела на Чжэн Ицзина на экране.

В этот момент они втроём уже были на маленькой кухне. Тот, сбросив рюкзак, подошёл к Ван Юаню и ткнул его в бок.

Ван Юань, с тех пор как увидел, как Тянь Тянь появилась из ниоткуда, считал Хэ Мяо и его земляков бессмертными, поэтому относился к ним с крайним почтением.

— Что-то случилось?

— Это я специально для тебя выбрал перед отъездом, — сказал Чжэн Ицзин, украдкой сунув ему в руку пакетик взрывной карамели. — Взрывная карамель. Положишь в рот, и она начнёт прыгать. Очень весело.

Ван Юань посмотрел на гладкий, яркий пакетик в своей руке, потом на новоприбывшего.

— Попробуй, — развёл руками Чжэн Ицзин. — Вкусно и весело, как раз для твоего возраста.

[Ха-ха-ха, он и правда относится к Ван Юаню как к племяннику. Но это чувство, когда балуешь своих предков, — оно бесценно.]

— Это не я у него просил, — сказал Ван Юань, глядя на Хэ Мяо, стоявшего позади них.

Чжэн Ицзин обернулся и увидел Хэ Мяо. Ему показалось, что тот выглядит немного мрачно, поэтому он улыбнулся:

— Да ладно тебе. Половина моего багажа набита подарками для тебя. Как только узнал, что еду, всю ночь готовился. Лапша быстрого приготовления, улиточная лапша, лапша «старый

друг» — полный набор.

[Мне кажется, я вижу на краю экрана дрожащую руку Ван Юаня. Чжэн Ицзин, ты уверен, что это взрывная карамель? Почему предок так напуган?]

<http://bllate.org/book/16007/1570669>